

БОГИ И ЛЮДИ

Как вера изменила
ход истории

и
Софья Зоренина

Софья Зоренина

**Боги и люди: Как вера
изменила ход истории**

«Автор»

2026

Зоренина С.

Боги и люди: Как вера изменила ход истории / С. Зоренина —
«Автор», 2026

Почему свеча, зажжённая в тишине, связывает личную память с историей целых народов? Как вера помогала строить города и поддерживать власть, переживала падение храмов, пересекала границы — и менялась сама? Религия — не только догматы и священные тексты. Это ритуалы, общая память, законы, повседневные решения и спор о том, кто вправе говорить от имени Бога. От древних погребений и первых цивилизаций до мировых религий, реформ, революций и XXI века книга показывает, как вера взаимодействовала с политикой и наукой, влияла на семью и общественный порядок. Без простых схем о вечной войне веры и разума — с вниманием к людям, их выбору и времени, в котором они жили. Для тех, кто хочет глубже понимать прошлое и видеть истоки сегодняшнего мира. За большими переменами откроются личные жесты, коллективная память и общий поиск смысла. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Зоренина С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Что такое религия: вера, ритуал, миф и священное	6
До письменной истории: погребения, изображения и первые представления о потустороннем	10
Боги городов и царей: религия первых цивилизаций	14
Пути к нравственному порядку: религиозные преобразования первого тысячелетия до нашей эры	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Софья Зоренина

Боги и люди: Как вера изменила ход истории

Боги и люди: Как вера изменила ход истории

Софья Зоренина

Что такое религия: вера, ритуал, миф и священное

В комнате полумрак. Человек чиркает спичкой, прикрывает ладонью огонёк и ставит свечу на стол. Потом произносит слова, которые знает почти наизусть. Возможно, это молитва. Возможно, короткое обращение к умершему. Он не уверен, что верит в каждое слово, — но произносит их снова. Пламя дрожит, знакомая комната на мгновение становится другой: тише, сосредоточеннее, словно в ней появилось место для того, чего нельзя увидеть.

Что сделало этот жест религиозным? Сама свеча? Слова? Намерение человека? Его память о близких? Или то, что в этой комнате он чувствует присутствие Бога?

На первый взгляд, ответ прост: человек зажжёт свечу и прочитал молитву. Но любой из этих элементов может возникнуть и вне религии. Свечу зажигают на торте, на митинге памяти, во время романтического ужина. Знакомые слова бывают стихотворением или семейной сказкой. А чувство присутствия — не только религиозным переживанием. Чтобы понять, что перед нами, придётся посмотреть не на один жест, а на связи, которые его окружают.

Три свечи — три смысла

Представим три сцены. В каждой зажигают свечу. Огонь выглядит одинаково, но значение жеста меняется.

Первая сцена: поминовение умершего. В храме человек ставит свечу, называет имя близкого и просит Бога упокоить его душу. Рядом стоят другие люди; кто-то молится о своём умершем, кто-то просто молча смотрит на огонь. В православной традиции свеча может быть частью молитвенного действия, однако даже внутри одной традиции люди переживают этот жест по-разному: как просьбу, как знак надежды, как привычку, как способ выразить скорбь.

Зададим несколько вопросов. **Каково намерение?** Помолиться, вспомнить, попросить о милости — или всё это сразу? **Что означает свеча?** Молитву, память, надежду, присутствие человека в общине живых? **Кто составляет общину?** Семья, прихожане, все, кто помнит умершего? **Где здесь священное?** В храме, в молитве, в имени умершего или в отношениях, которые продолжаются после смерти?

Вторая сцена: домашняя молитва. Человек зажигает свечу перед иконой и произносит молитву в одиночестве. Тут нет собрания, священника или публичного обряда. Но одиночество не означает отсутствия общины: молитва может быть усвоена в семье, услышана в детстве, связана с праздниками и с целой историей верующих. А для самого молящегося свеча может не «передавать сигнал» Богу, а помогать сосредоточиться.

И снова вопросы. **Каково намерение?** Просьба, благодарность, покаяние или тихое пребывание перед Богом? **Что означает свеча?** Свет, знак почтения, привычный предмет молитвы? **Кто составляет общину?** Только человек в комнате или также невидимая для глаза традиция, частью которой он себя считает? **Где здесь священное?** В иконе, в словах, в обращении к Богу — или в самом выделенном времени?

Третья сцена: светская церемония памяти. На площади участникам раздают свечи. Никто не произносит молитву; ведущий говорит о погибших и просит собравшихся несколько минут помолчать. Пламя становится знаком общей скорби и обещания помнить. Такое событие может быть полностью светским, а для кого-то из присутствующих — глубоко духовным. Эти определения не обязаны исключать друг друга.

И здесь полезны те же вопросы. **Каково намерение?** Почтить погибших, выразить солидарность, напомнить о событии? **Что означает свеча?** Память, жизнь, свидетельство? **Кто составляет общину?** Родственники, горожане, граждане страны? **Есть ли здесь священное?** Участники могут не употреблять это слово, но считать память о погибших неприкосновенной. Или, наоборот, воспринимать церемонию как важное, но вполне обычное общественное действие.

Этот мысленный эксперимент показывает: предмет сам по себе не сообщает нам, религиозен ли жест. Значение возникает из намерения, символов, правил, отношений и представлений о том, что нельзя свести к повседневному.

Четыре понятия — и не одно определение

Когда исследователи говорят о религии, они обычно рассматривают сразу несколько измерений. Четыре особенно важны: вера, ритуал, миф и священное. Это не четыре названия одного и того же. Они могут поддерживать друг друга, но не обязаны всегда собираться вместе.

Вера — не только согласие с набором утверждений, например «Бог существует» или «душа бессмертна». Она может быть доверием, надеждой, верностью, готовностью жить в соответствии с определённым пониманием мира. Человек способен принадлежать к религиозной общине и сомневаться в отдельных учениях. Другой может верить в божественное, но не считать себя членом какой-либо религии. Поэтому вопрос «Вы верите?» не всегда открывает дверь к пониманию: сначала стоит выяснить, что собеседник вкладывает в это слово.

Ритуал — упорядоченное действие, значение которого не исчерпывается его практической пользой. Мытьё рук перед едой обычно помогает соблюдать гигиену; омовение в религиозном контексте может также обозначать очищение и подготовку к встрече со священным. Произнесение клятвы — не просто набор слов: в определённых обстоятельствах оно меняет отношения и обязательства людей. Ритуалы бывают религиозными и светскими. Выпускной, минута молчания, инаугурация, семейный тост могут включать повторяемые действия, символы и общественно признанные правила.

Но ритуал — не просто любая привычка. Кофе по утрам может быть личной рутиной; если семья годами готовит его одним способом в день годовщины и связывает это с памятью об ушедшем родственнике, действие приобретает дополнительный символический вес. Граница зависит от того, как его понимают участники и какое место оно занимает в их жизни.

Важно и другое: ритуал не всегда требует веры в сверхъестественное. В некоторых буддийских традициях подношения перед образом Будды выражают почтение, благодарность, стремление к заслуге или напоминание об учении. Это не обязательно обращение к богу-творцу — да и буддийские практики и представления заметно различаются от страны к стране. Чтобы понять подношение, недостаточно спросить, «во что человек верит»: нужно увидеть, что он делает и как объясняет свои действия.

Миф в исследовании религии — не синоним лжи. Так называют значимый рассказ, который помогает сообществу осмыслить устройство мира, своё прошлое или отношения с божественным. Миф может рассказывать о сотворении мира, происхождении народа, образцовом поступке или встрече людей с богами. Вопрос историка «произошло ли это буквально?» не отменяет другого вопроса: «Что этот рассказ значит для тех, кто его передаёт?»

На еврейском празднике Песах чтение рассказа об исходе из Египта связывает историю освобождения с общей памятью и семейным действием. Участники не просто слушают повествование: порядок трапезы и вопросы за столом помогают вновь обратиться к нему. При этом отношение к рассказу и его исторической стороне не одинаково у всех евреев. Миф и ритуал могут поддерживать друг друга, но миф не сводится к сценарию обряда, а обряд — к иллюстрации мифа.

Священное — то, что человек или сообщество отделяет от обыденного и наделяет особым статусом. Священным может быть место, время, текст, имя, предмет или отношение. В классической теории социолога Эмиля Дюркгейма религия связана с различием священного и профанного. Здесь «профанное» означает обычное, повседневное, а не непристойное. Это различие помогает понять, почему предмет, сам по себе ничем не примечательный, может стать неприкосновенным: он включён в особый порядок значений и действий.

Однако не всякая культура проводит эту границу одинаково. Не всегда существует отдельная область, которую можно перевести словом «религия»: представления о мире, семей-

ных обязанностях, праве и ритуалах могут быть тесно переплетены. И не всё, что кажется священным исследователю, обязательно называется так самими участниками. «Священное» — полезная аналитическая линза, но не готовая универсальная коробка.

Почему одного определения недостаточно

В XIX веке британский антрополог Эдуард Тайлор предложил влиятельное определение религии как веры в духовных существ. Оно помогало замечать представления о духах и богах, но плохо описывало религиозные практики, где нет центрального божества, и обычаи, смысл которых не сводится к вере. Другой подход ищет в религии её общественную функцию: например, способность объединять людей, укреплять общую мораль или давать смысл страданию. Он тоже полезен — и тоже неполон. Ведь общность создают не только религии, а личный опыт верующего может быть важен даже тогда, когда не укрепляет никакую институцию.

История показывает, что религиозное часто связано с общественным и политическим. В Древнем Риме жертвоприношения были не только личным обращением к богам, но и частью гражданской жизни. Участие в обряде могло выражать принадлежность к городу и уважение к его порядку. Современному читателю легко спросить: «Но верил ли участник искренне?» Историк осторожнее: наши представления о вере как о внутреннем, личном убеждении не всегда совпадают с тем, как люди прошлого понимали отношения с богами и обществом. Иногда действие было важнее, чем возможность заглянуть человеку «в душу».

Отсюда — практическое правило: не превращать одну модель в меру для всех. Если считать религией только веру в единого Бога, мы упустим множество традиций. Если считать религией всё, что объединяет общество, мы начнём называть религией спорт, политику и семейные обычаи без достаточных оснований. Если искать только древнюю священную книгу, мы не заметим традиции, где учение передаётся устно или практика важнее текста.

Полезнее думать о религии как о сочетании разных элементов: представлений и сомнений, обрядов и историй, институтов и личного опыта, священных мест и повседневных обязанностей. В одной традиции особенно заметны храм и духовенство, в другой — семейная практика и устная передача, в третьей — общинный праздник. Ни одна из этих форм не обязана быть универсальной нормой.

Смотреть снаружи — слушать изнутри

Исследователь может описать, что происходит: люди зажигают лампы, повторяют формулы, кланяются, делятся пищей. Это важная работа, но внешнего описания недостаточно. Нужно также спросить участников, что для них означает действие. Один человек ставит свечу ради молитвы, другой — из уважения к родительской традиции, третий не уверен, во что верит, но не хочет отказываться от семейного обряда.

И обратное тоже верно: объяснение участника не исчерпывает всего, что делает обряд. У него могут быть история, общественная функция и последствия, которых человек не замечает или не считает главными. Поэтому исследовательская оптика складывается из двух планов. Первый — наблюдаемый: кто что делает, где, когда и по каким правилам. Второй — смысловой: как участники объясняют практику и какие значения расходятся внутри сообщества. Внешнее описание не должно выдавать себя за внутреннюю правду; внутреннее объяснение — отменять наблюдение и сравнение.

Научный подход способен изучать, как ритуалы влияют на память, внимание и отношения между людьми. Исследования психологов показывают, что повторяемые действия могут помогать справляться с неопределённостью и тревогой; синхронные действия в некоторых условиях укрепляют чувство принадлежности. Но это не доказывает и не опровергает существование Бога. Наука может исследовать переживание и его последствия, не подменяя ими вопрос о его метафизической истинности.

Бытовое объяснение обычно короче: «Так принято», «Мне легче, когда я это делаю», «Я хочу почтить близкого». Оно может быть искренним и точным, но не всегда показывает, откуда

взялся обычай и как его понимают другие. Взгляд участника и взгляд исследователя не враги. Они отвечают на разные вопросы.

Небольшая практика для внимательного читателя

Попробуйте в течение недели выбрать один обряд или повторяемое действие — религиозное либо светское. Это может быть молитва перед едой, молчание на памятной церемонии, семейный ритуал в день рождения или общий жест перед спортивным матчем. Если вы наблюдаете чужую практику, соблюдайте уважительную дистанцию и не фотографируйте людей без разрешения.

Запишите наблюдения по четырём пунктам:

1. Действие: что именно делают участники? Какие слова и предметы используют?

2. Повторение: что в этом действии установлено заранее, а что меняется от случая к случаю?

3. Связи: кто участвует, кто обучил этому обычаю, какую общину он поддерживает?

4. Смыслы: что этот жест означает для участников? Есть ли у них разные объяснения?

Не начинайте с вопроса «Вы в это правда верите?». Он предполагает, будто перед нами только проверяемое убеждение. Лучше спросить: «Что для вас значит этот обычай?» или «Когда вы впервые начали его выполнять?» Такие вопросы дают собеседнику возможность самому выбрать важный уровень ответа.

И ещё одно упражнение: встретив незнакомый обряд, попробуйте удержаться от быстрого вывода. Не говорите сразу «это суеверие», «это просто традиция» или «это то же самое, что у нас». Сначала опишите действие без оценки. Затем выдвиньте несколько объяснений и проверьте их по доступным источникам и свидетельствам участников. Эта пауза между наблюдением и выводом — один из главных инструментов историка религии.

Религию легче всего узнать не по одному знаку, а по тому, как знаки соединяются. Вера может быть сильной или сомневающейся; ритуал — религиозным или светским; миф — не ложью, а значимым рассказом; священное — не обязательно божественным и не всегда одинаковым для всех. Поэтому вопрос «Что такое религия?» полезнее превращать в несколько более точных вопросов: какие смыслы создают люди, какие действия повторяют, какие истории рассказывают и что считают достойным особого отношения?

Свеча не даёт готового ответа. Но если спросить, кто её зажёт, зачем, перед кем и в чьей памяти, она становится началом хорошего расследования. А когда таких свечей уже нет, остаются другие следы: изображения, погребения, предметы и места, в которых люди оставили свои вопросы о смерти и о том, что может быть по ту её сторону. Именно с них начнётся наше следующее путешествие.

До письменной истории: погребения, изображения и первые представления о потустороннем

На дне раскопа лежит человек — точнее, то, что от него сохранилось. Колени подтянуты к груди. У плеча темнеет пятно красной охры, возле черепа поблёскивает просверленная раковина. Кажется, мы уже знаем главное: умершего украсили, снабдили дарами, приготовили к дороге в иной мир. Но это только первая версия. Человек, который мог бы её подтвердить или опровергнуть, молчит уже десятки тысяч лет.

Археолог не начинает с вопроса: «Во что они верили?» Сначала он спрашивает: что именно мы видим? Положение костей, состав грунта, расстояние между предметами, следы огня, возраст слоёв. А уже потом — что могло всё это значить. В доисторической археологии разница между первым и вторым вопросом особенно важна. Письма нет. Нет молитвы, рассказа о смерти, имени божества. Есть следы поступков — и несколько объяснений, которые могут подходить к ним одновременно.

Погребение — не готовая иллюстрация к вере в загробную жизнь. Оно может говорить о скорби, заботе, памяти, принадлежности к группе, правилах обращения с телом или представлениях о смерти. Иногда — обо всём этом сразу. А иногда мы не можем выбрать между версиями.

Сначала предмет, потом история

Представим, что перед нами не известная археологическая находка, а специально придуманный «комплекс из раскопа». На столе лежат три свидетельства: охра, украшение и следы повторных посещений. Это мысленный пример: он нужен не для того, чтобы приписать древним людям конкретный обряд, а чтобы попробовать рассуждать так, как рассуждает археолог.

Находка

Что можно наблюдать

Возможные объяснения

Чего находка не доказывает

Красная охра рядом с костями

Красный пигмент находится возле останков; его состав можно изучить

Пигмент могли нанести на тело или грунт; он мог попасть туда с предметом либо из природного слоя

Что умершему непременно «возвращали кровь» или готовили его к загробной жизни

Просверленная раковина

В раковине есть отверстие; она лежит возле тела

Её могли носить на шнуре, пришить к одежде, передать как украшение или знак принадлежности

Что это был амулет, знак ранга или символ конкретного божества

Следы повторных посещений

В пещере или у захоронения есть несколько слоёв отложений, уголь, обломки орудий либо следы проходов

Люди могли возвращаться к месту; разные посещения могли иметь разные цели

Что они каждый раз проводили один и тот же ритуал или поклонялись умершему

Теперь попробуем перейти от фактов к осторожной версии. Если охра действительно была намеренно помещена возле тела, если раковина лежала на нём, а позднейшие слои показывают возвращения людей к месту, можно предположить, что умершего не просто оставили. Его смерть стала событием, которое пережило момент погребения. Но кем был этот человек для группы, что означала раковина и зачем люди возвращались — останется открытым.

Такой порядок работы не мешает воображению. Он не даёт воображению выдавать себя за доказательство.

Тело, которому уделили время

Одни из ранних надёжных свидетельств намеренного погребения людей современного типа связаны с пещерой Кафзех в Леванте. Там обнаружены останки *Homo sapiens* возрастом примерно сто тысяч лет. Положение некоторых тел позволяет предполагать, что их намеренно поместили в землю, а не просто оставили на поверхности. В той же археологической среде найдены кусочки охры; в контексте одного детского погребения упоминаются фрагменты рогов оленя.

Это важные детали, но каждая требует осторожности. Охра могла использоваться при обращении с телом, однако её присутствие само по себе не раскрывает смысла. Рога могли быть частью подношения, случайно оказаться рядом или иметь иное значение. Даже если погребение было намеренным, перед нами не свидетельство законченного учения о посмертном мире. Это свидетельство выбора: тело поместили именно так, в определённое место, среди определённых предметов.

Позднее, около тридцати тысяч лет назад, в Сунгире, на территории нынешней России, людей хоронили с поразительными затратами труда. В одном из известных погребений двое детей были украшены тысячами бусин из бивня мамонта; рядом находились длинные предметы из того же материала. Изготовить и нанизать такое количество бусин означало потратить множество часов. В другом погребении также были украшения и предметы, изготовленные с большим мастерством.

Что это говорит? Надёжнее всего — то, что община вложила значительный труд в обряд погребения и что украшения были социально значимы. Возможно, они указывали на принадлежность, возраст, родственные связи или особое место человека в группе. Но богатое погребение ребёнка не превращается автоматически в доказательство наследственной власти, а предметы возле тела — в «набор для загробного путешествия». Материальные следы показывают вложенный труд; объяснение его смысла остаётся гипотезой.

Сравним это с современным похороном. Человек приносит цветы, оставляет фотографию, надевает на умершего знакомую одежду. Эти действия могут быть религиозными, но могут выражать любовь, память, семейную традицию или уважение. Мы не делаем вывод о вере участника только по букету. К древним поступкам стоит относиться с той же осторожностью — даже если у нас есть лишь букет, а не рассказ человека, который его принёс.

Есть и другая причина не спешить с выводами: сам факт намеренного погребения устанавливается не всегда легко. Тело могло оказаться в углублении из-за обвала, его могли потревожить животные или позднейшие люди. Чтобы отличить случайность от действия, исследователи изучают положение костей, состав слоя, следы копания, совпадение дат и то, как тело связано с окружающими предметами.

Старые находки тоже иногда приходится перечитывать. Например, знаменитая гипотеза о «цветочном погребении» неандертальца из пещеры Шанидар возникла после обнаружения пыльцы возле останков. Она подсказала образ: живые положили цветы рядом с умершим. Позднее обсуждение показало, что пыльца могла попасть туда и с деятельностью животных, в том числе грызунов. Это не отменяет всех аргументов в пользу намеренных погребений неандер-

тальцев. Но история напоминает: выразительная картина в нашей голове ещё не равна установленному факту.

Изображение — не подпись к вере

На стене в глубине пещеры проступает лошадь. Рядом — бизон, кошачий хищник, контуры рук. Сама пещера тёмная; чтобы попасть в дальние залы, нужны огонь и помощь других людей. Рисунок нанесён не на стену, мимо которой проходили каждое утро, а в пространстве, куда приходилось идти.

Такие обстоятельства важны. Они позволяют спрашивать, как люди переживали изображение: при свете факела, в тесноте, среди звуков и теней, возможно, вместе с другими. Но даже точный рассказ о месте не сообщает напрямую, что именно означало животное. Изображение могло участвовать в ритуале, рассказывать историю, передавать знания, поддерживать связь с группой или быть частью иной практики. Оно могло иметь сразу несколько функций. Популярное объяснение, будто зверей рисовали исключительно для магической удачи на охоте, остаётся одной из гипотез, а не универсальным ключом к пещерному искусству.

И сами «пещерные картины» не возникли в одном месте и в один момент. В Индонезии, на острове Сулавеси, изображения животных и отпечатки рук известны в пещерах, где возраст рисунков оценивают, в частности, по минеральным отложениям, сформировавшимся поверх пигмента. Такие датировки задают нижнюю границу: если слой старше изображения, рисунок должен быть ещё древнее. Они не сообщают нам день его создания и не открывают его смысла. Но показывают, что сложные изображения существовали за пределами Европы и что историю древнего искусства нельзя рассказывать как путешествие из одного «центра» по всему миру.

Пещеры не были вечными святилищами по определению. Люди могли посещать их в разные времена и по разным причинам; рисунок и следы пребывания рядом могли разделять тысячи лет. Даже в одном комплексе изображения могли создаваться и дополняться не одновременно. Археологу важно выяснить не только, что находится в пещере, но и какие следы связаны между собой по времени.

То же относится к небольшим фигуркам. Одна из известных ранних человеческих фигурок — резная статуэтка из бивня мамонта, найденная в пещере Холе-Фельс на территории Германии и датируемая примерно сорока тысячами лет назад. В современном языке её нередко называют «Венерой». Это удобное прозвище, но оно способно незаметно подменить наблюдение выводом: будто фигурка изображает богиню любви, плодородия или некий единый женский культ. Мы не знаем, кем она была для своих создателей. Она могла быть связана с телесностью, идентичностью, статусом, личной памятью, игрой или обрядом. «Фигурка женщины» — описание. «Богиня плодородия» — интерпретация.

Здесь особенно заметно, как современный взгляд может подправлять прошлое. Мы видим знакомый силуэт — и достраиваем знакомую историю. Но фигурка не оставила подписи, а древние общества не были одной культурой с одними и теми же символами. Одинаковый предмет мог значить разное в разных сообществах; похожие предметы могли выполнять совсем разные задачи.

Почему отсутствующее тоже важно

Археологическая запись неполна не потому, что древние люди оставили мало следов, а потому, что не все следы одинаково хорошо переживают время. Камень сохраняется дольше ткани, дерево чаще гнивает, чем остаётся в земле, а пища, запахи, песни и жесты редко становятся находками. Украшение из раковины может дойти до нас, а шнур, на который его нанизывали, — исчезнуть. Мы можем обнаружить красный пигмент, но не знать, был ли окрашен предмет, тело или поверхность земли.

Сохранность зависит от почвы, влаги, температуры, глубины и множества случайностей. То, что найдено в раскопе, — не полный портрет жизни, а её уцелевший фрагмент. Поэтому отсутствие конкретного предмета не доказывает отсутствия практики. И наоборот: найденная

необычная вещь не обязательно была священной. Она могла быть редкой, красивой, полезной или иметь значение, которое мы не умеем распознать.

Чтобы снизить риск ошибки, археологи сопоставляют разные виды свидетельств. Изучают микроследы на орудиях, химический состав пигмента, положение костей, возраст слоя и то, как осадки накапливались вокруг находки. Сравнивают несколько захоронений и спрашивают, повторяется ли одна и та же практика. Повторяемость может говорить об общем обычае; единичная находка допускает больше версий. Но даже регулярный обряд не объясняет автоматически веру тех, кто его совершал.

Практика чтения следов

В следующий раз, когда вы увидите в музее погребение, фигурку или древнее изображение, попробуйте мысленно разделить свои выводы на три шага.

1. Назовите наблюдаемое. Не «жрецы положили амулет», а «возле останков найдена просверленная раковина».

2. Спросите о контексте. Где лежал предмет? Связан ли он с телом или оказался в том же слое случайно? Сохранились ли похожие находки?

3. Составьте несколько объяснений. Украшение, знак принадлежности, личная вещь, подношение — и не только.

4. Отметьте, что могло бы помочь выбрать. Например, другие погребения, следы ношения, точное датирование или данные о том, как формировался слой.

5. Оставьте вывод открытым, если данных недостаточно. Неопределённость здесь не поражение; это граница, которую честный исследователь видит и называет.

Ключевой вопрос не «какая версия звучит красивее?», а «какая версия объясняет наблюдения и при этом требует меньше неподтверждённых допущений?» Иногда ответ будет уверенным: кости действительно перемещали, слой действительно позднее. Иногда останется несколько равно возможных объяснений. Это нормально. Археология не обязана превращать каждый предмет в разгадку.

От смерти — к памяти

И всё же даже при всей осторожности некоторые выводы становятся возможны. Если тело расположено особым образом, рядом повторяются одни и те же предметы, а к месту возвращались, мы можем говорить о действиях, отмеченных смыслом. Не обязательно о религии в виде учения, пантеона и строгих правил. Скорее, о том, что смерть отличали от прочих событий, что отношения между живыми и умершими могли продолжаться в памяти, а общая практика связывала людей друг с другом.

Первые представления о потустороннем не лежат в земле как готовые ответы. Мы видим следы заботы, отбора, возвращения, изображения. Они не доказывают, что древний человек представлял себе загробную страну именно так или иначе. Но позволяют осторожно предположить: смерть воспринимали не только как прекращение дыхания. Она могла менять обязанности живых, задавать порядок действий и становиться частью общей истории группы.

В этом состоит особая сила археологических свидетельств. Они не дают нам подслушать древнюю молитву, зато показывают, что люди делали рядом с телом, в темноте пещеры, вокруг огня и среди других людей. И чем внимательнее мы смотрим на факты, тем яснее видим не готовую «религию первых людей», а живой процесс: люди наделяли мир значениями, собирали их в обычай и передавали дальше.

Позже эти обычаи окажутся вплетены в новые формы жизни. С земледелием, поселениями и городами изменятся масштаб общины, власть и публичные ритуалы. В следующей главе мы выйдем из мира отдельных захоронений и пещерных изображений к миру храмов, правителей и богов, которые стали покровителями целых городов.

Боги городов и царей: религия первых цивилизаций

Рассвет еще не разогнал прохладу, а во дворе уже пахнет влажной глиной, зерновой пылью и дымом. Писец прижимает к колену комок мягкой глины и отмечает, сколько ячменя поступило в хранилище. Рядом слуга готовит хлеб и пиво для божества города. Во дворце правитель собирается на церемонию: сегодня он должен предстать не просто человеком, который отдает приказы, а хранителем установленного богами порядка.

Эта сцена — художественная реконструкция, составленная по свидетельствам из городов Южной Месопотамии конца III тысячелетия до нашей эры. Она не описывает один точно установленный день. Но в ней нет главного вымысла: храм, хозяйственный учет и царская власть действительно могли оказаться рядом — в одном городском пространстве, в расписании одного дня и даже в судьбе одного мешка зерна.

Как боги стали частью управления городом? Чтобы ответить, недостаточно перечислить имена богов и пересказать мифы. Нужно посмотреть на маршруты людей и вещей. В ранней цивилизации священное не стояло поодаль от повседневной жизни, как отдельное здание на карте. Оно было вплетено в то, как хранили урожай, считали время, распределяли обязанности и объясняли, почему правитель вправе повелевать.

Город на трех слоях

Представим город как карту, на которую наложены три прозрачных листа: храм, дворец и рынок. Это не план с обязательными кварталами и четкими границами. Скорее, способ увидеть, как пересекались разные функции. В одном городе храм мог владеть значительными землями и мастерскими; в другом большую часть распоряжений и ресурсов контролировал дворец. Границы менялись и со временем, и от города к городу. Но зерно, люди и подношения связывали эти пространства снова и снова.

Этап

Зона

Назначение

1

Поля и каналы

Земледельцы выращивают зерно; часть урожая может поступить как налог, арендная плата или доля храмового хозяйства.

2

Храмовые и дворцовые хранилища

Писцы учитывают поступления; зерно сохраняют, выдают работникам, используют для ритуалов или дальнейшего обмена.

3

Мастерские и места обмена

Из зерна и других продуктов оплачивают труд, снабжают ремесленников и участвуют в обмене.

4

Святилище

Служители совершают подношения от имени общины и правителя; часть продуктов после обряда может распределяться среди людей.

5

Дворец и городские работы

Власть организует строительство, оборону и обслуживание каналов, привлекая работников и ресурсы из разных хозяйств.

Эта схема показывает возможные маршруты, а не универсальное устройство всех древних городов. Не всякий урожай проходил через храм, не всякий обмен контролировался дворцом, а рынок не был аналогом современного свободного рынка. Многие сделки происходили в мире обязательств, норм и властных отношений. Но представление о «трех слоях» помогает увидеть важное: религиозная и административная жизнь не всегда разделялись так, как мы привыкли разделять их сегодня.

Месопотамский храм был не только местом молитвы. Его называли домом божества, и это выражение описывало вполне материальную реальность: у бога был храмовый двор, служители, ритуальная пища, имущество и хозяйство. При некоторых храмах работали мастерские, хранились запасы, велся учет земель и работников. Подношение могло означать одновременно религиозное действие и поступление продуктов в систему, которой кто-то должен был управлять.

Это не значит, что храм просто «притворялся» священным, чтобы собирать зерно. Для людей того времени божество было реальным участником городского существования: его присутствие требовалось поддерживать обрядами, его волю следовало учитывать, его дом нуждался в заботе. Хозяйственная деятельность не отменяла религиозного смысла — так же как религиозный смысл не отменял необходимости пересчитать мешки.

Глина, которая помнит

Писец в нашей реконструкции не ведет дневник и не записывает все происходящее. Он отмечает сведения, которые должны остаться в памяти учреждения: сколько зерна поступило, кому оно предназначено, кто отвечает за выдачу. Пока глина мягкая, на ней легко оставить знак; после высыхания запись становится долговечной. Цилиндрическую печать прокатывают по поверхности, чтобы подтвердить, кто связан с документом и чья власть за ним стоит.

Самые ранние известные системы письма в Месопотамии возникли в конце IV тысячелетия до нашей эры. Ранние таблички из Урука содержат прежде всего административные записи. Это важная поправка к привычной картине, будто письменность родилась прежде всего из желания записать священную книгу или великий миф. Потребность учитывать товары, труд и обязательства была одним из мощных двигателей письма. Позже тем же письмом будут записывать гимны богам, царские надписи, законы и литературные произведения.

Запись не просто сохраняла уже готовую власть. Она помогала ей работать. Чтобы распределять зерно на большой территории, нужно было знать, сколько его есть, откуда оно поступило и кому выдано. Для этого требовались писцы, стандарты измерения, печати, хранилища и люди, способные добраться из поля в город и обратно. Там, где такие средства появлялись, город мог управлять большим числом ресурсов и людей, чем одна община, полагающаяся только на память и личные договоренности.

Но не следует представлять себе единый «храмовый аппарат», который с самого начала контролировал всю жизнь Месопотамии. Власть храмов и дворцов менялась. Хозяйство частных семей, торговцев и ремесленников не исчезало за стенами крупных учреждений. В некоторых эпохах и городах дворец становился особенно сильным центром управления; в других храмовые хозяйства сохраняли значительное влияние. Слово «инфраструктура» здесь полезно, если помнить: древний город не был безличной машиной. Он состоял из конкретных людей, отношений и обязательств.

Время, которое принадлежало богам

Зерно нужно было не только хранить, но и собирать вовремя. Храмовый календарь связывал повседневный труд с ритмом обрядов и сезонов. В Месопотамии следили за лунными месяцами, а календарь соотносили с солнечным годом, добавляя при необходимости дополнительный месяц. Наблюдения за небом были и практическим знанием, и частью мира, в котором движение светил считалось значимым для жизни богов и людей.

Ритуальный календарь помогал упорядочить городское время: когда приносить подношения, когда проводить празднества, когда ожидать важных сельскохозяйственных работ. Однако календарь не был волшебной гарантией хорошего урожая. Он позволял согласовывать действия, но не мог отменить засуху, внезапное наводнение, войну или ошибку управляющего. Ритуал задавал порядок там, где природная и политическая реальность оставалась непредсказуемой.

В Египте время тоже связывали с небесными наблюдениями и земледельческим циклом, но местная история складывалась иначе. Разлив Нила задавал важнейший ритм жизни долины. Египетский гражданский календарь состоял из 365 дней, разделенных на двенадцать месяцев и дополнительные дни в конце года. Поскольку в нем не было високосного дня, календарные даты постепенно смещались относительно природных сезонов. Наряду с административным календарем существовали и другие способы отсчета времени, связанные с ритуалами и лунными циклами.

Не стоит превращать различие рек в готовое объяснение различия цивилизаций. Нил давал египетскому земледелию узнаваемый сезонный ритм, но разливы тоже могли быть недостаточными или чрезмерными. Тигр и Евфрат несли свои риски, а в Месопотамии требовалось поддерживать сложные сети каналов. В обеих областях природные циклы нуждались в коллективном наблюдении и работе. Но устройство власти, история объединения земель и отношения между городами развивались там по-разному.

Два способа связывать царя и богов

В городах Месопотамии у разных общин были свои божества-покровители. Город воспринимался не только как место, где жили люди, но и как дом бога, о чьей защите и благосклонности следовало заботиться. Правитель мог считаться избранником богов, их слугой или пастырем людей. Он строил и восстанавливал святилища, поддерживал каналы и стены, совершал обряды. Эти обязанности укрепляли его положение, но вместе с тем задавали критерий, по которому его могли судить: справляется ли он с охраной города и восстановлением порядка?

В разные времена цари могли изображаться по-разному. Одни подчеркивали, что правят по воле богов; некоторые правители династии Ура в конце III тысячелетия до нашей эры были обожествлены. Не существовало одной неизменной формулы месопотамской царственности. Связь правителя с богами зависела от города, эпохи и политической ситуации.

В Египте, объединение которого традиционно относят примерно к рубежу IV и III тысячелетий до нашей эры, царская власть выстраивалась вокруг иной модели. Фараон связывался с божественным порядком и выступал его земным хранителем; его царская роль соотносилась, в частности, с богом Хором и солнечной традицией. Важным понятием была маат — правильный порядок, соединявший справедливость, устойчивость общества и гармонию мира. Поддерживать маат значило не только совершать обряды, но и обеспечивать управление, суд, защиту страны и нормальное течение жизни.

Египетский правитель был не просто человеком, которого боги назначили начальником. Но и описывать его как обычное божество в человеческом теле было бы чрезмерным упрощением. Важна была сама царская должность и ее посредническая роль между богами и людьми. Храмы, местные культы и царская власть связывали страну в общий порядок, хотя соотношение центра и местных сил менялось от эпохи к эпохе.

Сопоставление этих моделей важно именно потому, что они не совпадают. Месопотамский город часто мыслился через покровительство конкретного бога и соперничество городов;

египетская государственная традиция сильнее подчеркивала целостность царства и обязанность фараона поддерживать маат. Но в обоих случаях власть нуждалась не только в приказе. Ей требовалась убедительная история о том, почему правитель имеет право распоряжаться людьми и ресурсами.

Кто строил порядок

Большие проекты делали эту связь видимой. Канал, городская стена, храм или царская гробница собирали вокруг себя труд, материалы, учет и власть. Для Месопотамии особенно важным было обслуживание каналов, без которых земледелие и городское снабжение становились уязвимыми. В Египте государственные учреждения организовывали сбор и хранение зерна, перевозку материалов и работу больших коллективов. Такие проекты нельзя свести к образу бесконечных армий рабов: наряду с принудительными обязанностями существовали оплачиваемые или снабжаемые рабочие группы, квалифицированные мастера и административные команды. Формы труда различались и менялись.

Религиозная легитимность делала общественные работы частью более крупного замысла: царь не просто строит стену, а защищает город; не просто восстанавливает храм, а возвращает божеству должное место; не просто собирает зерно, а обеспечивает устойчивость страны. Для человека, который шел на работу или отдавал часть урожая, эти смыслы могли быть убедительными. И все же сакральное объяснение не отменяло цены усилий. Кто-то лишался времени для своего поля, кто-то доставлял продукты, кто-то нес тяжелые грузы. Величественный храм на горизонте и уставший работник у подножия принадлежали одному и тому же общественному устройству.

Посмотрите на воображаемую карту еще раз. Через город проходит не одна линия, а несколько. Урожай идет от полей к хранилищам; работники — от поселений к стройке; подношения — к святилищу; распоряжения — из дворца к управляющим. На каждом маршруте меняется смысл происходящего. Для земледельца зерно — результат труда и часть обязательства. Для писца — запись, которую нужно сверить. Для служителя — продукт, необходимый обряду. Для правителя — знак того, что его власть способна собрать и распределить ресурсы.

Чтобы читать такие города внимательнее, можно провести небольшое упражнение. Возьмите любой план древнего поселения или просто нарисуйте на листе три области: храм, дворец и место обмена. Затем нанесите на карту три разных маршрута: зерна, работников и ритуальных подношений. Для каждого задайте три вопроса: кто начинает движение, кто его учитывает, кто в итоге получает выгоду? И отдельно пометьте, что вы знаете из источника, а что лишь предполагаете. Такая простая практика помогает не превращать древнюю историю в рассказ о безликой «государственной машине»: за каждой линией оказываются люди с разными возможностями и разной долей участия.

Когда боги объясняют бедствие

Религиозная картина мира помогала не только поддерживать порядок, но и осмыслять его крушение. Неурожай, военное поражение, разрушение города или исчезновение царской власти требовали объяснения. В месопотамских произведениях-плачах, связанных с падением Ура и другими потрясениями, бедствие могло представляться решением богов. Такой текст не следует читать как нейтральный отчет очевидца: это литературное и ритуальное осмысление катастрофы. Но в нем слышится не только политическая формула. Там есть ужас перед утратой дома, привычного уклада и защитного присутствия городского божества.

Объяснение через волю богов могло укрепить власть: новый правитель представлял себя тем, кто вернет порядок и восстановит святилища. Но та же логика могла стать обвинением против правителя, который не сумел защитить город или почтить богов должным образом. Сакральная власть давала царю особое положение и одновременно возлагала на него особую ответственность.

В Египте представление о маат позволяло говорить о нарушении порядка и его восстановлении. Но реальные голод, политический раскол или слабость центральной власти не исчезали оттого, что их вписывали в религиозную картину мира. Ритуалы помогали действовать совместно, а язык веры давал событиям смысл; ни то ни другое не делало природу управляемой полностью. В этом и заключалось напряжение: люди обращались к богам за защитой, но продолжали копать каналы, чинить стены и решать, кому достанется зерно из хранилища.

Цена священного порядка

Храм и дворец обеспечивали хранение запасов, поддержку обрядов и организацию крупных работ. Но их возможности опирались на труд, налоги и обязанности. У земледельца религиозный календарь мог соседствовать с тяжелым сезоном сбора урожая. У храмового служителя забота о божестве была одновременно профессией и обязанностью перед общиной. У правителя церемония утверждала власть, но требовала от него показывать, что он достоин этой роли. У писца запись могла быть инструментом управления — и способом не потерять сведения, от которых зависело снабжение людей.

Поэтому историю ранних религий нельзя рассказать ни как историю чистой веры, никак не связанную с хозяйством, ни как историю одной лишь манипуляции. Вера придавала общим действиям смысл; институты превращали смысл в распорядок; распорядок требовал ресурсов и распределял их неравномерно. Священное могло поддерживать взаимную ответственность, связывать людей общими праздниками и помогать переживать бедствия. Оно же становилось частью порядка, в котором власть и труд распределялись не поровну.

В начале главы перед нами были писец, служитель и правитель. Теперь за ними виден целый город: зерно движется между полем, хранилищем и святилищем; люди — между домом, мастерской и стройкой; время — между сезонной работой, календарем и обрядом. Боги первых цивилизаций жили не только в мифах и статуях. Они присутствовали в устройстве городского дня — в том, что собирали, кому отдавали, что считали должным и кого считали ответственным.

Религия ранних цивилизаций была частью городской инфраструктуры, хозяйства, времени и политической легитимности. Но эта инфраструктура состояла из человеческих решений, а значит, всегда оставляла открытым вопрос: кто получает защиту сакрального порядка и кто платит за его поддержание?

Пути к нравственному порядку: религиозные преобразования первого тысячелетия до нашей эры

Вообразим каменотёса, который высекал на скале царское объявление. Он не записывал частную исповедь и не составлял учебник нравственной философии. Он выполнял работу по приказу правителя — Ашоки, царя империи Маурьев. Но слова, которые надлежало сохранить в камне, были необычны для победителя. После завоевания Калинги, области на востоке Индии, Ашока объявил, что страдания побеждённых причиняют ему скорбь, и провозгласил победу не оружием, а «дхаммой» — праведным поведением и заботой о живых.

В одном из его эдиктов перечислены убитые и переселённые. Эти цифры были высечены по распоряжению царя, а не сверены независимыми наблюдателями; их нельзя читать как точную статистику. Важно другое: власть сделала страдание завоёванных людей частью публичного рассказа о царствовании. Перед нами не просто правитель, который хочет, чтобы подданные правильно совершали обряды. Он утверждает, что править следует иначе.

И всё же Ашока не сложил оружие и не распустил государство. Его надписи — голос империи, а не голос человека вне политики. Они говорят о нравственном повороте, но одновременно показывают, как власть может превратить нравственность в программу управления: назначать чиновников, распространять наставления, определять, какое поведение считать благим.

Почему в разных регионах первого тысячелетия до нашей эры возникли учения, требовавшие не только правильного обряда, но и справедливости, самодисциплины или внутреннего преобразования? Ответ не сводится к одному всемирному духовному пробуждению. Перед нами несколько историй, выросших из разных почв. Сравнить их можно, задав каждой три вопроса: **кто обязан поступать правильно, перед кем несётся ответственность и каким образом человек может измениться?**

Израиль: обряд, который должен вести к справедливости

За несколько столетий до Ашоки, в VIII веке до нашей эры, пророки древнего Израиля и Иудеи обращались к обществам, где религиозное служение было тесно связано с жизнью царства. Храмы, жертвы, праздники и клятвы не были частным увлечением: они обозначали связь общины с её Богом и поддерживали общественный порядок. Именно поэтому пророческая критика могла звучать особенно резко. Она не всегда призывала отказаться от обряда. Она спрашивала, что этот обряд означает, если сильный притесняет слабого.

Пророк Амос обличает торговцев, которые ждут окончания праздничного дня, чтобы снова обмеривать покупателей и наживаться на нужде бедных. В книге Исаии религиозное многолюдье не отменяет требования защищать сироту и вдову. Эти тексты не следует воспринимать как дословные стенограммы выступлений одного человека: пророческие книги складывались и редактировались на протяжении времени. Но они сохраняют напряжённый спор о том, что делает общество верным своему Богу.

За этим спором стояла конкретная история. В регионе существовали Израильское и Иудейское царства; вокруг них усиливалась Ассирия, а внутри самих царств богатство и власть распределялись неравномерно. Пророческий голос обращался не к отвлечённому «человечеству», а к землевладельцам, судьям, правителям и общине, чья повседневная жизнь, по его убеждению, нарушала заключённый с Богом завет.

Кто обязан поступать правильно? Не только царь или жрец: ответственность возлагалась на общину, но особенно остро — на тех, кто вершил суд, распоряжался землёй и мог обратить чужую нужду в свою выгоду. Перед кем? Перед Яхве, Богом завета, которому нельзя угодить

одной лишь церемонией. Как измениться? Возвратиться к справедливости, отказаться от насилия и восстановить верность в поступках.

Это не было нравственной программой, одинаково доступной всем и свободной от исторических ограничений. Но в ней возникло мощное требование: религиозная жизнь должна быть проверяема отношением к человеку, которого легко обмануть, вытеснить или не услышать. Обряд, не затрагивающий общественную несправедливость, оказывался недостаточным.

Индия: нравственное действие и выход из круга страдания

В Северной Индии перемены шли иначе. В поздней ведийской среде ритуальное знание и жертвоприношение играли важную роль: правильное исполнение обряда связывали с космическим порядком и благополучием. Но в текстах Упанишад, складывавшихся в течение столетий, появляются и новые вопросы. Может ли знание того, что совершается в обряде, уступить место знанию о самом человеке и устройстве бытия? Можно ли не только поддерживать космический порядок, но и освободиться от круговорота рождения и смерти?

Ранние Упанишады не образуют единого трактата с одной датой и одной доктриной. В некоторых из них особое значение получает связь Атмана — глубинного «я» — с Брахманом, предельной реальностью. Это не следует путать с позднейшими, полностью оформленными системами: перед нами рассуждения, которые развивались постепенно и по-разному.

Параллельно в долине Ганга росли города и государства, расширялись торговые связи, менялись способы организации труда и власти. В этой среде возникали движения странников-отшельников, позднее обозначенные общим словом «шрамана». Среди них были джайны и буддисты, а также другие группы. Они не являлись ответвлениями одной школы и не предлагали одинакового пути. Но их учителя ставили под вопрос мысль, что религиозное спасение принадлежит лишь тому, кто знает и совершает установленный обряд.

Жизнь Будды обычно относят примерно к V веку до нашей эры, хотя точная датировка спорна. Учения, связываемые с ним, известны нам через тексты, которые передавались устно и были записаны позднее; поэтому древние наставления нельзя выдавать за стенограммы. Буддийская традиция связывает нравственное действие с намерением и последствиями поступка. Освобождение требует не одной веры в авторитет учителя, а работы над собой: сдерживать разрушительные действия, тренировать внимание, понимать причины страдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.